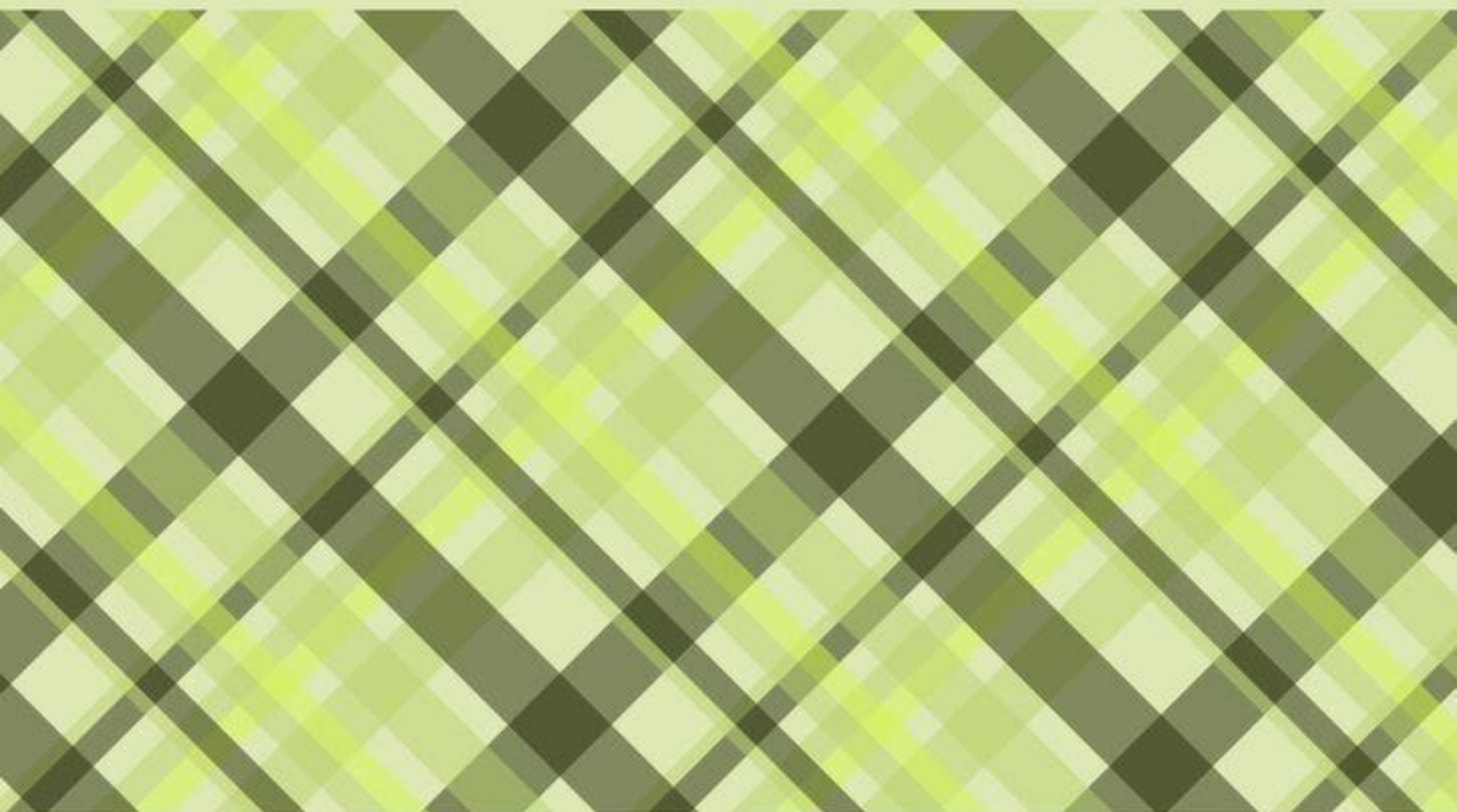


18+

Александр Булдаков



ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА. ДЕД

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Дед

«Издательские решения»

Булдаков А. А.

Путь по лезвию ножа. Дед / А. А. Булдаков — «Издательские решения»,

Фронтовик. Полковник НКВД. Зэк. Владимир Гордеев тридцать лет охотился за человеком, который сломал его жизнь. Эта повесть — о цене правды в эпоху лжи. О лагере и карцере, о предательстве и любви, о дневнике, написанном кровью. И о завещании, которое через много лет получит внук. «Жизнь — это лезвие ножа» — эти слова станут приговором для одних и спасением для других.

© Булдаков А. А.

© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Путь по лезвию ножа. Дед

Александр Анатольевич Булдаков

© Александр Анатольевич Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1962-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Книга вторая: ДЕД

Посвящается тем, кто шёл по лезвию, когда лезвие было острее человеческого понимания, — и не дожил до того, чтобы увидеть рукоять

«Нож опасен не для того, кто его держит, а для того, кто не знает, где кончается лезвие и начинается рукоять. Я знал троих, кто это понял слишком поздно. Один из них — я сам. Второй — человек, которого я защищал. Третий — человек, которого я должен был убить».

Из дневника полковника НКВД В. Ф. Гордеева, запись от 12 августа 1973 года

Пролог. Смерть, которая была началом

Посёлок Ручей, конец мая 1999 года.

Владимир Фёдорович Гордеев умирал долго — дольше, чем полагается человеку, который видел столько смертей, что перестал их считать. Два месяца, десять дней и ещё сколько-то часов, которые тянулись как резина — медленно, мучительно, с каждым вдохом, который давался всё тяжелее.

Он лежал на кровати в своей комнатухе — восемь квадратных метров, которые вмещали в себя целую жизнь. Стены, оклеенные старыми обоями в цветочек, разошедшийся деревянный пол, который скрипел при каждом шаге, как живой, — на этом полу он учил ходить внука Лёньку, когда тот был совсем маленьким. На подоконнике — герань в горшке, которую поливала мать, когда приезжала из города. На стене — фотографии: он сам в форме старшего лейтенанта, 1947 год; жена Полина, умершая в 1988-м от инсульта; сын Сергей с невесткой Лидией; внук Лёнька в школьной форме, с портфелем, улыбающийся.

Рядом с кроватью — тумбочка. На тумбочке — очки в металлической оправе, которыми он уже почти не пользовался, потому что зрение упало окончательно; кружка с остывшим чаем, который ему принесла сноха утром; стопка писем — старых, перевязанных бечёвкой, с марками, пожелтевшими от времени; и тетрадь в кожаном переплёте — дневник, который он вёл сорок шесть лет, с 1953 года, со дня смерти Сталина, когда его жизнь разделилась на «до» и «после».

И пистолет.

«Вальтер» РРК — полицейская модель, компактная, точная, с семью патронами в магазине. Оружие лежало на тумбочке справа, рядом с подушкой, чтобы можно было дотянуться в любой момент. Оно было незаряженным — Гордеев вынул обойму ещё месяц назад, когда понял, что руки уже не слушаются и он может нажать на спуск случайно. Но сам пистолет, холодный, тёмно-синий, с потёртостями на рукоятке, был здесь. Как напоминание. Как свидетель. Как завещание.

Он взял его в руку — в последний раз.

«Откуда он у меня? — подумал Гордеев, глядя пальцами шершавую поверхность рукоятки. — Оттуда же, откуда всё остальное. С войны».

Весна 1945 года. Восточная Пруссия. Он был старшим сержантом, командиром отделения разведки. Их группа шла в тыл к немцам — разведать укрепления перед штурмом Кёнигсберга. Задание было секретным, опасным, с высоким шансом не вернуться.

Они попали в засаду. Из семи человек выжили трое — он, связист Петренко и молодой лейтенант из штаба, которого придали к ним для координации. Отходили через лес, по болотам, неся на себе раненого Петренко, у которого осколком перебило ногу.

В развалинах какого-то хутора, уже на рассвете, они наткнулись на убитого немецкого офицера. Тот лежал у стены, раскинув руки, в серой шинели, с орденами на груди и пистолетом в руке — не успевшим выстрелить. Гордеев подошёл, нагнулся, взял пистолет. «Вальтер» — трофей, отличное оружие, лучше «ТТ», который был у него на поясе.

— Забирай, Володя, — сказал лейтенант. — Трофей. По закону войны имеешь право.

Гордеев забрал. Вынул магазин — полный, восемь патронов. Сунул за пояс. С тех пор пистолет не расставался с ним — ни в Берлине, ни в Иркутске, ни на допросах, ни в лагере, ни на пенсии в Ручье.

Он прошёл с ним всю жизнь. И теперь отдавал внуку.

В дверь постучали. Тихо, робко.

— Войдите, — сказал Гордеев, и голос его прозвучал как шорох сухих листьев.

Вошел Лёнька. Пятнадцать лет, худой, с длинными руками и ногами — как жеребёнок, который ещё не знает, какой он станет, когда вырастет. В руках — букет полевых цветов, собранных у ручья. Ромашки, колокольчики, тысячелистник.

— Дед, — сказал Лёнька, поставив цветы в стакан с водой на подоконник. — Ты как?

— Живой, — усмехнулся Гордеев. — Почти.

Лёнька сел на край кровати, взял деда за руку. Рука была горячей, сухой, с вздувшимися венами — уже не рука, а какой-то древний пергамент, на котором написана целая эпоха.

— Я сдал экзамены, — сказал Лёнька. — Медаль будет. Золотая.

— Молодец, — Гордеев с трудом повернул голову, посмотрел на внука. — А куда дальше?

— В Иркутск. На юрфак. Хочу быть как ты — в законе.

— Зачем?

— Чтобы правда была.

Гордеев закрыл глаза. Правда. Он искал её всю жизнь — и нашёл. Но правда оказалась такой, что лучше бы он её не знал. Правда заключалась в том, что система сильнее человека. Что ловкость, хитрость и деньги побеждают честность, принципы и жертвенность. Что Разгуляев, его главный враг, умрёт в своей постели, окружённый семьёй, в то время как он, Гордеев, будет гнить в земле, отравленный ядом, который подмешали в лекарства.

— Послушай, Лёнька, — сказал он, открывая глаза. — Жизнь — это лезвие ножа. Ты всегда идёшь по нему. Шаг влево — грязь. Шаг вправо — пропасть. Только посередине можно удержаться. Но посередине — больше всего.

— Я запомню, дед.

— Ты в закон иди. Слышишь? В закон. Потому что правды нет. А ты её хоть немного да привнеси. Не живи, как я.

— А как ты жил, дед?

Гордеев посмотрел на потолок. Там, на побеленной известкой поверхности, он когда-то, много лет назад, разглядел трещину, которая напоминала карту мира. Африка, Европа, Азия — всё в одной трещине.

— Я шёл по лезвию, — ответил он. — И дошёл. Но не туда, куда хотел.

Лёнька хотел спросить ещё что-то, но Гордеев поднял руку — слабым жестом, почти молитвенным.

— Оставь меня, — сказал он. — Устал.

Лёнька поцеловал деда в лоб, встал и вышел.

Гордеев остался один. Взял с тумбочки пистолет, поднёс к глазам. «Вальтер» блеснул в луче света, который пробивался сквозь занавеску. Семь патронов в магазине — он положил их туда утром, когда понял, что время пришло.

«Одна пуля, — подумал он. — И все кончится. Ни боли, ни яда, ни Разгуляева. Только темнота и покой».

Он сунул ствол в рот.

Холодный металл коснулся нёба. Язык почувствовал вкус оружейной смазки — горький, металлический.

Он сидел так минуту, две, три.

Потом вынул пистолет, положил на тумбочку, выщелкнул магазин, сунул его в ящик.

«Не сегодня, — сказал он себе. — Сначала дневник. Сначала — последняя запись».

Он взял ручку — перьевую, ещё довоенную, заправленную чернилами «Радуга», которые держал в пузырьке на тумбочке. Открыл дневник на чистой странице — последней, какая осталась.

И написал.

«2 января 1999 года. За мной приходят. Не в смысле смерти — в смысле старые дела. То, что я скрывал тридцать лет, всплывает. Разгуляев прислал человека. Сказал: «Полковник, ваше время вышло. Либо вы помогаете нам, либо ваша семья пожалеет». Я отказался.

Теперь я понимаю: рак — это не случайность. Это они. Травили меня потихоньку, через лекарства. Я чувствую — таллий. Знаю симптомы. Слабость, облысение, боль в костях. Профессия.

Лёнька, если ты читаешь это, знай: я не был святым. Я закрывал глаза там, где надо было стрелять. Я договаривался с волками, потому что иначе было нельзя.

Но ты не повторяй моих ошибок. Иди до конца. Даже если цена — твоя жизнь.

Помни: жизнь — это лезвие ножа. И у него два края.

Справки из сейфа передай майору Горелову, если встретишь. Он знает, что с ними делать. Он из ФСБ. Ему можно верить.

Прощай, Лёнька. Прощайте все.

В. Гордеев, 17 февраля 1999 года».

Он закрыл тетрадь, положил на тумбочку. Рядом — очки, кружка, «вальтер». На прощанье погладил пистолет по холодному стволу.

«Ты ещё послужишь, — подумал он. — Не мне — внуку».

Он лёг на спину, сложил руки на груди и закрыл глаза.

Через два дня его не стало.

Часть первая. Тот, кто выжил

Глава 1. Родина

Село Верхний Ключ, Иркутская губерния, 1925 год.

Владимир Гордеев родился в ночь на 17 мая, когда над тайгой стояло белое ночное небо, какое бывает только в Сибири — не черное, не серое, а молочное, с редкими звёздами, похожими на осколки льда. Акушерка, бабка Настасья, принимавшая роды в этой избе уже пятидесятый раз, сказала матери, Аксинье: «Крепкий мужичок будет. С характером».

Отец, Фёдор Гордеев, плотник-самородок, которому не было равных в округе, спросил: «Кого бог дал?» — «Сына», — ответила Аксинья. Фёдор перекрестился, достал из-за печки заначку — поллитра самогона, налил стакан, выпил. А потом пошёл в амбар и выстрогал из кедра колыбель — гладкую, ладную, с резными медведями по бокам. Эту колыбель потом передавали из поколения в поколение, и в ней, семьдесят два года спустя, будут баюкать правнука Гордеева — Лёньку, но этого он уже не увидит.

Детство Владимира прошло в деревенском укладе, который не менялся веками. Летом — сенокос, рыбалка на Китое, купание в ледяной воде, которую он любил с младенчества. Зимой — школа за три километра, валенки на босу ногу, портфель из свиной кожи, в котором лежали букварь, грифельная доска и краюха хлеба с солью.

В 1930 году, когда Владимиру было пять, началась коллективизация. В село приехали уполномоченные из города — молодые, с горящими глазами, револьверами на поясах. Они говорили о светлом будущем, о том, что земля теперь общая, что кулаки — враги народа. Фёдор Гордеев не был кулаком — у него была одна лошадь, одна корова, долянка в пять гектаров и золотые руки, которые кормили семью. Но сосед, Иван Шестаков, с которым Фёдор когда-то не поделил границу участков, написал донос: мол, Гордеев скрывает хлеб, вредит колхозному строительству.

К Гордеевым пришли с обыском. Перерыли всё — подпол, сеновал, амбар. Ничего не нашли, потому что прятать было нечего. Но «сигнал» остался в деле, и Фёдора взяли на заметку.

Владимир запомнил этот день навсегда — как испуганное лицо матери, как отца, которого увели в сельсовет и вернули только через три дня — седым, осунувшимся, с потухшим взглядом.

— Папка, что они с тобой сделали? — спросил тогда Владимир.

— Ничего, сынок, — ответил отец, погладил его по голове шершавой рукой. — Ничего. Просто показали, кто в доме хозяин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.